

цифике аббревиатур в лингвистическом коммуникативном виртуальном пространстве и пр. Поставленные вопросы могут быть предметом дальнейших исследований.

В заключение следует отметить, что многокомпонентные словосочетания в англоязычном письменном компьютерном дискурсе позволяют передать максимальное количество информации при минимальном использовании грамматических средств связи. Такие словосочетания не допускают вариативности смысловой интерпретации в тексте и способствуют достижению информационной компрессии.

Е. В. Кротюк

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ТОЛЕРАНТНОСТИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Благодаря усилиям ЮНЕСКО к концу XX в. понятие *толерантность* стало международным термином и широко употребляется в русскоязычном обществе. Заимствованное из английского языка (*tolerance, to tolerate* ‘терпеть, выносить, переносить’), точного перевода на русский язык оно не имело. Современные русскоязычные толковые словари по-прежнему определяют толерантность как *терпимость* к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям. При переводе на русский язык Декларации принципов толерантности (Declaration of Principles on Tolerance, 1995) *толерантность* перевели как *терпимость*, что искажает полноту понятия *толерантность*.

Профессор И. А. Стернин говорит о *мотивированной лакунарности* понятия *толерантность* в русском сознании, высказывая точку зрения о том, что понятие *толерантность* в русской концептосфере до недавнего времени не существовало, и этот концепт сейчас в процессе формирования в русском сознании – на базе заимствованного слова.

Вопрос о (национальной, индивидуальной) картине мира обычно возникает в процессе коммуникации при нашем столкновении с иным видением сущности вещей нашим собеседником. Е. М. Верещагин констатирует, что при заполнении языковых лакун, заимствовании новых языковых форм человек продолжает «мыслить категориями» национальной культуры, «вкладывать в них национально-культурное содержание» родного языка, таким образом приспособляя смысл заимствования под свою картину мира. Именно в связи с этим положением толерантность в русскоязычной картине мира приобретает свои специфические оттенки и границы использования.

Исследуя русский менталитет и коммуникативное поведение, профессор И. А. Стернин приводит в качестве лингвоспецифических для русского языка относительно недавно заимствованные понятия *tolerance, political correctness, privacy*. Проясняя лакунарность интересующего нас понятия *толерантность*, И. А. Стернин констатирует, что на бытийном уровне толерантность в русском языке долгое время «оставалась уделом отдельных нравственных и просвещенных личностей», проповедовалась почти только христианской религией. Русский народ как коллектив приучен историей к сплочению во

имя выживания, к совместному противостоянию врагам, чужим, а это привело к формированию жесткого биполярного сознания «свои-чужие», где чужие всегда отождествлялись с опасностью, вызывали недоверие. Идея же толерантности отождествляется с христианскими заповедями активного принятия другого: «*Возлюби ближнего твоего*», «*Не противься злему*».

Понятие *толерантность* в русскоязычной картине мира напрямую соотносится с христианством. Имена Л. Н. Толстого, М. Ф. Достоевского, В. С. Соловьева, С. Л. Франка, Н. Я. Данилевского, М. М. Бахтина и многих других деятелей второй половины XIX – первой половины XX в. ассоциируются с русской духовной культурой, системой ценностей, присущей именно русскому народу.

Так, принцип толерантности был заложен В. С. Соловьевым, осуждавшим проявления национальной нетерпимости в статье «Три Силы». В своей метафизике всеединства и в цельном знании философ предполагает принятие и взаимообогащение различных культурных и религиозных противоположностей.

В «Оправдании добра» В. С. Соловьев приводит терпимость как одну из пяти добродетелей наряду с великодушием, бескорыстием, щедростью и правдивостью. Философ различает понятия *терпимость* и *терпеливость* (*пассивная* сторона великодушия). Терпимость же объясняется как особая разновидность терпеливости, «допущение чужой свободы, хотя бы предполагалось, что она ведет к теоретическим и практическим заблуждениям».

К значимости как христианских добродетелей, так и влияния господствующих политических идеологий в интерпретации идей толерантности обращается А. Д. Шмелев. Рассматривая понятие *толерантность* через лексему *терпимость*, А. Д. Шмелев приводит ряд лексических единиц и синтаксических конструкций для отображения восприятия концепта толерантности русским сознанием. При этом *терпимость* рассматривается с трех точек зрения.

Так, *смирение* – важнейшая христианская добродетель – по аналогии с созвучным словом *примирение* имеет положительную окраску, в отличие от *примиренчества* и *компромисса*. Автор комментирует наличие различий между русскими и англосаксонскими ценностными установками в отношении *компромиссов*: влияние советской идеологии привело к тому, что человек должен быть *бескомпромиссным* и не должен *мириться* ни с врагами, ни с недостатками; конструкция *идти на компромисс* выражает, по мнению автора, некий трагизм – на компромисс идут как на плаху. Компромиссы русское сознание считает недостойным делом, проявлением беспринципности.

Слово *широта* интерпретируется как аспект терпимости, понимания возможности различных точек зрения: сочетание *человек широких взглядов* – это человек прогрессивных воззрений, готовый переносить инакомыслие, склонный к плюрализму (ср. *узость взглядов*). *Широта* в таком понимании есть свойство русского характера. Но она превращается в подлость, если человек *широких взглядов* вообще не желает видеть различия между добром и злом, склонен к попустительству.

Понятия *терпимость* и *нетерпимость*, по мнению А. Д. Шмелева, соотносятся с употреблением глагола *терпеть* в значении '(не)мириться с существованием отрицательно оцениваемого явления', обозначающего в основном активную установку субъекта, мирящегося (или не мирящегося) с негативными явлениями. Однозначной оценки *терпимости* и *нетерпимости*, по мнению А. Д. Шмелева, русская языковая картина мира не содержит.

Таким образом, при рассмотрении понятия *толерантность* мы неизбежно сталкиваемся с лексемами *(не)терпимость*, *(не) терпеть*. Здесь необходимо четко осознавать, что эти понятия близки, но не тождественны: терпимость преимущественно означает терпение к плохому, толерантность же – это терпение к другому, не такому, как ты. По А. Д. Шмелеву, глагол *терпеть* имеет негативную окраску: терпение означает лишь внешнее сдерживание своего отношения (*я его еле терплю*), в то время как *толерантность* предполагает «активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и свобод человека».

Можно констатировать, что термин *толерантность* долгое время являлся лакунарным для русскоязычной картины мира, однако сама идея присуща русскоязычному обществу и базируется на нравственных понятиях, христианском принятии, терпении, понимании, любви к ближнему. Попав в русскоязычную среду, содержание понятия *толерантность* преломляется, приобретая свою характерную национальную специфику, находясь под давлением смежных, но не тождественных понятий, сформированных историческими процессами.

В XXI в. концепция толерантности в русскоязычном обществе находится в процессе формирования. Важно осознавать необходимость корректного формирования отношения к идеям толерантности, прежде всего уделяя внимание развитию коммуникативной толерантности, манифестирующей цивилизованное восприятие действительности, цивилизованное отношение ко всему *иному*, *чужому*, к инакомыслию при необязательном принятии и разделении этих мнений и убеждений. Открытым остается вопрос о возможности тотального перенесения западного опыта в русскоязычный мир, ведь любое заимствование должно соответствовать цивилизационному опыту и потенциалу страны.

О. Ф. Курилович

ПРОБЛЕМА АНАЛИЗА СООТНОШЕНИЯ МЫСЛИ И СЛОВА

С начала возникновения современной психолингвистики ключевое место среди ее проблем занимает проблема соотношения мысли и слова: как облачаются психические феномены (мысли) в материальную форму (слова), образуя связанное высказывание. Взаимодействие материи и психики – это аспект знаменитой психофизической проблемы, решение которой на основе философских, психологических, физиологических и лингвистических подходов до сих пор не достигнуто.